

Увядшие мими

Ангелина Ульяна

Ангелина Ильина

Увядавшие лилии

<https://litres.ru/74191563>

SelfPub; 2026

Аннотация

В промозглом Марисе, где каналы пахнут тиной и формалином, юная куртизанка Лили ведет двойную жизнь. Днем она — украшение элитного борделя, чей огненный волос притягивает взгляды аристократов. Ночью — безжалостная охотница на ведьм Тщеты, чьи кинжалы смазаны ядом из аконита и собственной ярости.

Но её охота — лишь приманка в чужой игре. Таинственный Гидеон Лингрис, художник с серебряными глазами и запахом увядающих цветов, коллекционирует пепел сожжённых душ. Он методично подставляет Лили двенадцать учениц, чтобы собрать их прах во флаконы. Ему нужна тринадцатая жертва — идеальный сосуд с душой, выжженной дотла, но не сломленной. И Лили идеально подходит на эту роль.

Когда ритуал заходит слишком далеко, а наставники предают её, оставляя умирать в ледяной воде канала, Лили понимает страшную правду: чтобы победить демона вечности, ей самой нужно стать пустотой.

Ангелина Ильина

Увядавшие лилии

Глава 1. Пепельная Набережная

Весна в Марисе пахла гнильюю.

Я стояла у окна своей комнаты в «Доме Роз» и вдыхала этот запах — тяжёлый, влажный, пропитанный смертью. Не той благородной, сладкой гнильюю, что поднималась от тюльпановых полей за городом, от которой у купцов кружилась голова и они скупали луковицы за баснословные деньги. Нет. Это была гниль каналов, где таял последний лёд, обнажая дно, усеянное ржавыми монетами, сломанными куклами и костями собак. Это была гниль торфяных болот, что проступала сквозь камни мостовых, напоминая о том, что город построен на мёртвой земле, на костях тех, кто пытался осушить море и проиграл.

Мои рыжие волосы, тяжёлые и густые, рассыпались по плечам — живое пламя на фоне свинцового неба. Я чувствовала, как серебряные нити, вплетённые в них, холодят кожу головы. Афилия сама вплела их в прошлое полнолуние, шепча слова на языке, который я не хотела знать. Нити были тонкими, как паутина, но тяжёлыми, как цепи. Они напоминали мне о том, что я не просто куртизанка.

Я — оружие.

За окном проплывала барка с тюльпанами. Лодочник пел

хриплую песню о любви и смерти, и его голос смешивался со скрипом мачт и плеском воды. Я не слышала песни. Я слушала город.

Город дышал. Я чувствовала это каждой клеткой своего тела. Каналы вздыхали, дома скрипели на сваях, как старые кости. Где-то далеко кричала чайка. Где-то близко плакал ребёнок. Я знала: в Марисе всегда кто-то плачет. Это был город слёз, город золота, город теней.

Я повернулась от окна и осмотрела свою комнату. Она была маленькой, но безупречной. Кровать с балдахином из тёмно-красного бархата, стол из дуба, зеркало в серебряной раме. На столе — книга латинских стихов, которую я никогда не читала, и кинжал, который я чистила каждый вечер. Стены были обиты гобеленами, но я знала, что под ними — голый камень, холодный и влажный. Как душа куртизанки.

Сегодня на мне было тёмное шерстяное платье охотницы — простое, без украшений, с высоким воротником, скрывающим шрамы на шее. Оно было тяжёлым, грубым, в отличие от шёлковых нарядов, которые я носила для клиентов. Это платье пахло дёгтем и железом. Оно пахло работой.

Я провела рукой по ткани, чувствуя её шершавость под пальцами. Под платьем, в корсете, лежал кинжал. Я знала его вес, его баланс, его холод. Я знала, что лезвие смазано ядом, который я варила сама. Аконит, белена, соль из освящённых источников. Этого было достаточно, чтобы убить ведьму. Если попасть в сердце.

— Госпожа Лили?

Голос горничной, молодой и испуганный, прервал мои мысли. Я обернулась.

Девочка стояла в дверях, держась за косяк, словно боясь войти. Ей было лет пятнадцать, не больше. Худая, с синяками под глазами и обветренными губами. Проститутка с Дикой Розовой улицы, которую Афилия взяла в «Дом Роз» из жалости. Или из расчёта. Я не спрашивала. Я знала только одно: девочка пахла страхом. Страхом, который не отмывался ни мылом, ни розовой водой.

Но было в ней и что-то ещё. Что-то, что я почувствовала сразу, как только она переступила порог моей комнаты. От неё не пахло ничем. Абсолютной, звенящей пустотой. Как от мёртвого цветка. Как от дыры в воздухе.

Я сузила глаза. Ведьма. Молодая, испуганная, но ведьма.

— Скажи госпоже, что я приду, — произнесла я ровно.

Девочка кивнула и юркнула за дверь, словно испугавшись, что я передумаю и накажу её за беспокойство. Я посмотрела на своё отражение в тусклом зеркале. Лицо безупречное. Кожа светлая, ровная, без единого пятнышка. Это была не моя кожа. Это была кожа куртизанки «Дома Роз», кожа, купленная ценой ритуала «Чернения Души».

Я закрыла глаза, и воспоминание нахлынуло, как волна.

Афилия привела меня в подвал, где горели свечи из чёрного воска. На столе стояла чаша с тёмной жидкостью, от которой пахло пеплом и горькими травами. «Пей», — сказала

она. Я выпила. Жидкость обожгла горло, как расплавленное серебро. Я кричала, но звук не выходил из горла. Когда всё закончилось, я посмотрела в зеркало и увидела незнакомку. Красивую, безупречную, пустую.

С тех пор я не чувствовала холода. Не чувствовала голода. Не чувствовала... почти ничего. Только ярость.

Ярость жила во мне, как второй пульс. Я просыпалась с ней, засыпала с ней, дышала ею. Шесть лет. Шесть лет с тех пор, как моя деревня превратилась в пепел. Не огонь — пепел. Ведьмы не жгли. Они высасывали. Забирали жизнь, цвет, время. Оставляли только серую пыль, которую ветер разносил по полям. Мне было тогда четырнадцать. Я пряталась в погребке, прижав ладонь ко рту, чтобы не кричать. Я слышала, как кричали мои родители. Как кричали соседи. Как кричали дети. А потом — тишина. Только ветер и шёпот ведьм, которые уходили, довольные урожаем.

Я открыла глаза и посмотрела на своё отражение. Незнакомка смотрела на меня зелёными глазами, холодными, как лёд на канале зимой.

— Пора, — прошептала я.

Я спустилась по скрипучей лестнице. «Дом Роз» днём был тихим, как склеп. Пахло сандалом, дорогим вином и едва уловимым запахом меди — крови, которую никогда не отмыть от дерева. Стены были увешаны картинами: нимфы, купающиеся в ручье, пастушки, играющие на флейте, влюблённые, целующиеся под деревьями. Все они были голыми,

все они были красивыми, все они были мёртвыми, как и девушки, что позировали для этих картин.

Я прошла через гостиную, где в кресле у камина сидела Афилия Бэлфорт. Она занимала кресло, хотя огонь не горел — было слишком тепло для марта. На ней было платье из тёмно-синего бархата, с кружевным воротником и жемчужным ожерельем. Ей было сорок два, но выглядела она на двадцать пять. Высокая, с тёмными волосами, убранными в сложную причёску, и глазами цвета старого янтаря. Она пила чай из фарфоровой чашки, и я всегда думала, что Афилия похожа на паука в центре паутины. Красивого, изящного, смертельного.

— Лили, — произнесла она, не поднимая глаз. — Садись.

Я села. Напротив, на столе, лежал свёрток из пергамента, перевязанный чёрной лентой.

— Вчера на Дикой Розовой улице нашли тело, — сказала Афилия, наконец подняв взгляд. — Девочка. Лет шестнадцать. Она... рассыпалась.

Я кивнула. Я знала. Я видела из окна, как служки сметали прах с брусчатки. Серая пыль, которую ветер поднимал в воздух, как пух одуванчика. Прохожие отворачивались, ускоряли шаг. Никто не хотел смотреть. Никто не хотел знать.

— Это третья за месяц, — продолжила Афилия, поставив чашку на блюдце с тихим звоном. — Все молодые. Все с улиц. Все... пустые внутри.

— Ведьма, — произнесла я ровно.

— Да. Но не обычная. Эта... осторожная. Она не оставляет следов. Ни жаб, ни гнили, ни мёртвых животных.

Я нахмурилась. Это было плохо. Ведьмы, которые оставляли следы, были глупыми. Они жадничали, пили слишком много, не могли остановиться. Такие погибали быстро. Но ведьма, которая не оставляла следов... такая могла охотиться годами. Десятилетиями.

— Как ты её найдёшь? — спросила Афилия, и в её голосе мелькнуло что-то похожее на беспокойство.

— По запаху, — ответила я. — У них нет запаха.

Афилия усмехнулась, и уголки её губ дрогнули, как крылья бабочки.

— Ты становишься поэтичной, дитя.

— Я становлюсь эффективной.

Афилия придвинула свёрток.

— Здесь список. Имена женщин, которые были замечены рядом с местами находок. Купчихи, вдовы, аристократки. Я не знаю, кто из них ведьма. Но я знаю, что одна из них — точно.

Я развернула свёрток. Внутри был пергамент с именами, написанными аккуратным почерком Афилии. Двенадцать имён. Двенадцать женщин.

Но тут я заметила странное. Внизу листа, под списком, была приписка другим почерком — мелким, острым, почти хирургическим. Одно слово: «Наблюдай». И инициалы:

«Г.Л.»

Я подняла взгляд на Афилию. Она не смотрела на меня. Она смотрела в окно, на канал, и её янтарные глаза были тёмными, как старая смола.

— Кто это написал? — спросила я тихо.

Афилия медленно повернулась. На её лице не было ни удивления, ни страха. Только усталая, бесконечная осторожность.

— Это не важно, — произнесла она. — Важно, что он знает о тебе.

— Кто — он?

— Тот, кто платит за мои свечи, — Афилия сделала глоток чая. — Тот, кто присылает мне имена. Тот, кто... наблюдает.

Я почувствовала, как холодок пробежал по спине. Не от сквозняка. От понимания. Я не просто охотница. Я — инструмент. А у каждого инструмента есть рука, которая его держит.

— Почему ты даёшь это мне? — спросила я, возвращаясь к списку.

— Потому что ты единственная, кто может это сделать, — ответила Афилия, и её янтарные глаза стали твёрдыми, как старое стекло. — Эндрю занят. Уид... Уид наблюдает. Но ты, Лили... ты чувствуешь их. Ты знаешь, как они пахнут.

Я посмотрела на список. Первое имя: Мария ван дер Хейден. Вдова. Дом на Канале Господнем.

— Я начну с неё, — произнесла я.

Афилия кивнула.

— Будь осторожна. Ведьмы... они не те, кем кажутся.

Я встала.

— Я знаю.

— И ещё одно, — тихо добавила Афилия, когда я уже была у двери. — Если встретишь того, кто пахнет ванилью и формалином... беги. Не спрашивай. Не слушай. Просто беги.

Я не ответила. Я вышла, и дверь за мной тихо закрылась.

Я вышла на улицу, и туман обнял меня, как старый друг. Пепельная Набережная кипела жизнью: торговцы выкрикивали цены, дети бегали босиком по камням, женщины тащили корзины с рыбой. Все пахли. Потом, рыбой, джином, табаком, кожей. Все, кроме...

Я остановилась.

На углу улицы стояла женщина. Высокая, в тёмно-зелёном платье, с кружевным воротником. Лицо — как маска: белила, румяна, пудра. Слишком много. Даже для аристократки. Я видела, как женщина поправляла шляпу, и под кружевом манжеты мелькнул кусочек кожи. Серый, как пепел. Как кожа тех, кто слишком долго пил из чаши ведьмы.

Но я заметила и другое. Женщина несла в руке маленький кожаный мешочек. И от мешочка пахло... ничем. Абсолютной пустотой. Как от мёртвого цветка.

Я знала этот приём. Ведьмы носили с собой саше из розмарина и лаванды, чтобы перебить отсутствие собственного запаха. Но эта — не носила саше. Она несла пустоту в мешочке. Пустоту, которая поглощала любые другие запахи. Это была не маскировка. Это была декларация.

«Я здесь. Я вижу, что ты видишь. Попробуй подойти».

Женщина повернулась и пошла прочь. Я последовала за ней, держась на расстоянии. Я шла легко, бесшумно, как тень. Куртизанки «Дома Роз» умели ходить так — их учили не привлекать внимания, когда это было нужно.

На углу улицы сидел пёс. Тощий, с облезлой шерстью, с поджатым хвостом. Когда женщина прошла мимо, пёс заскулил и прижался к стене. Он не смотрел на неё. Он боялся. Животные всегда знали. Они чувствовали, когда рядом что-то неправильное, что-то мёртвое, притворяющееся живым.

Я ускорила шаг. Я обогнала женщину и посмотрела на крышу дома, к которому та направлялась. На коньке сидел ворон. Обычный чёрный ворон. Но когда он повернул голову, я увидела: у него было две головы.

Обе смотрели на меня. Обе моргали.

Я улыбнулась.

Она знала, что я иду. Она ждала меня.

Но тут я заметила ещё кое-что. На пороге дома ван дер Хейден, через три дома от того, к которому шла женщина, стоял мужчина. Высокий, в чёрном камзоле. Он не смотрел на женщину. Он смотрел на меня. И в его руке был малень-

кий белый цветок. Лилия.

Он поднял руку и медленно, почти лениво, помахал мне. Моё сердце пропустило удар.

Я знала это лицо. Я видела его один раз, шесть месяцев назад, в «Доме Роз». Клиент, который пришёл не для того, чтобы лечь в постель. Клиент, который просто сидел в гостиной, пил чай и смотрел на девушек. Смотрел так, будто оценивал холсты для своей коллекции.

Гидеон Лингрис.

Я остановилась. Женщина в зелёном платье исчезла за углом. Ворон на крыше каркнул и улетел. А Гидеон всё ещё стоял на пороге, и его серебряные глаза сияли в тумане, как две холодные монеты.

Он улыбнулся. И исчез.

Я осталась стоять на мостовой, чувствуя, как туман обвивает мои лодыжки, как холод пробирается под платье. Впервые за шесть лет я почувствовала не ярость. Я почувствовала страх.

Не перед ведьмой. Перед мужчиной, который пах ванилью и формалином.

Я вернулась в «Дом Роз» только к вечеру. Туман стал гуще, фонари на набережной горели тусклыми жёлтыми пятнами. В гостиной меня ждала Афилия.

— Ну? — спросила она.

— Мария ван дер Хейден, — произнесла я, снимая перчатки. — Это она.

Афилия кивнула, словно ожидала этого.

— Что ты сделала?

— Ничего. Ещё не время. Я хочу посмотреть, как она живёт. Кто к ней приходит. Кого она убивает.

Афилия усмехнулась.

— Ты становишься терпеливой, дитя.

— Я становлюсь умной.

Афилия встала и подошла к окну.

— Эндрю хочет видеть тебя. Он в кабинете.

Я кивнула и поднялась на второй этаж. Кабинет Эндрю был маленькой комнатой в конце коридора, заваленной бумагами, картами и бутылками с мутной жидкостью. Эндрю Бэлфорт сидел за столом, листая какую-то книгу. Ему было тридцать пять, но он выглядел старше. Волосы начинали седеть, под глазами залегли тени, но глаза оставались ясными, холодными, как лёд на канале зимой.

— Лили, — произнёс он, не поднимая глаз. — Садись.

Я села. Эндрю был единственным мужчиной, которого я не боялась. Он нашёл меня шесть лет назад, когда я бродила по дорогам, дикая, голодная, с кинжалом в руке. Он научил меня убивать. Он научил меня прятаться. Он научил меня быть куртизанкой.

— Я слышал, ты нашла ведьму, — сказал он, наконец подняв взгляд.

— Да.

— Что ты собираешься делать?

— Ждать.

Эндрю усмехнулся.

— Терпение — добродетель, которую я в тебе воспитал.

Но будь осторожна. Ведьмы... они чувствуют, когда за ними охотятся.

— Я знаю.

Эндрю посмотрел на меня долго, внимательно, словно пытаюсь прочесть что-то в моих глазах.

— Лили... — произнёс он тихо. — Ты помнишь, зачем ты это делаешь?

Я кивнула.

— Чтобы они заплатили.

— Нет, — сказал Эндрю. — Ты делаешь это, чтобы не сойти с ума. Чтобы не стать одной из них.

Я не ответила. Я встала и вышла из кабинета, не оглядываясь.

Но у двери я остановилась. Я вспомнила приписку на списке. «Наблюдай. Г.Л.»

— Эндрю, — произнесла я, не оборачиваясь. — Кто такой Гидеон Лингрис?

В кабинете повисла тишина. Долгая, тяжёлая тишина. Я слышала, как Эндрю медленно выдыхает.

— Откуда ты знаешь это имя? — его голос стал низким, опасным.

— Он был в списке, — солгала я. — Под припиской.

Ещё одна пауза. Потом — тихий, усталый вздох.

— Лингрист... — произнёс Эндрю. — Анатом. Художник. Коллекционер. Говорят, он живёт в Марисе дольше, чем должен был бы. Говорят, он ищет способ остановить время. Говорят... — Эндрю запнулся. — Говорят, он не тот, за кого себя выдаёт.

— Что ты знаешь о нём?

— Только то, что его имя не должно было попасть в твой список, — тихо ответил Эндрю. — И что если оно попало... значит, кто-то хочет, чтобы ты его нашла.

Я кивнула и вышла. В коридоре я столкнулась с Уидом.

Он стоял у окна, высокий, худой, в чёрном камзоле с серебряной вышивкой. На его лице была маска — фарфоровая, белая, с трещиной, склеенной золотом. Я видела эту маску каждый день, но каждый раз моё сердце сжималось от странного, необъяснимого страха. Не перед ним — перед тем, что скрывалось под маской.

— Госпожа Лили, — произнёс он, и его голос был тихим, как шелест сухих листьев. — Я слышал, вы нашли нашу даму.

— Да, — ответила я, останавливаясь.

— Осторожнее с ней, — сказал Уид. — Она не та, кем кажется.

— Они все не те, кем кажутся, — произнесла я.

Уид усмехнулся, и я подумала, что усмешка звучит иначе,

когда её произносит тот, у кого нет лица.

— Верно, — сказал он. — Но некоторые... некоторые особенно искусны в притворстве.

Он поклонился и прошёл мимо, бесшумный, как тень. Я смотрела ему в спину и думала: кто ты, Уид? Что ты скрываешь под этой маской? Почему ты помогаешь мне?

Но я не спрашивала. Я знала: в этом городе каждый что-то скрывает. Даже я сама.

И даже тот, кто пахнет ванилью и формалином.

Глава 2. Девочка с Дикой Розовой

Ночь в Марисе не приносила облегчения. Она лишь сгущала тени, превращая город в гигантский, дышащий лабиринт, где каждый переулок мог стать последним.

Я вышла через чёрный ход «Дома Роз» в узкий, продуваемый ветром переулок. Мне просто необходимо было подышать. Воздух в борделе, даже пропитанный сандалом, дорогими духами и розовой водой, казался мне спертым. Он пах чужой похотью, страхом и ложью. Здесь, в переулке, пахло мокрой штукатуркой, гнилой водой и дымом из печных труб. Это был честный запах. Он не пытался мне понравиться.

Я прислонилась спиной к холодной кирпичной стене, закрыв глаза. Серебряные нити в волосах слегка позвякивали от ночного бриза, холодя кожу головы. В голове всё ещё стояла картина двуглавого ворона, моргающего мне в такт. И

лицо Гидеона на пороге. Его ленивый, уверенный взмах рукой.

«Я вижу тебя. Я всегда вижу тебя».

— Вы слишком громко думаете, госпожа Лили, — раздался голос.

Я мгновенно открыла глаза. Моя рука метнулась к кинжалу в корсете, пальцы обхватили рукоять, привычно нащупывая знакомые насечки. Но я замерла.

Перед мной, словно соткавшись из самого тумана, стоял Уид. Он не подошёл — он просто оказался здесь. Бесшумный, как падение снега. На нём был тот же чёрный камзол с серебряной вышивкой, но в полумраке переулка его фарфоровая маска казалась не белой, а призрачно-серой. Трещина, склеенная золотом, поблёскивала в свете единственного уличного фонаря, словно молния, застывшая в фарфоре.

Я медленно отпустила рукоять кинжала, но мышцы остались напряжёнными, готовыми к броску.

— Вы следите за мной? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Я ненавидела, когда кто-то подходил ко мне незамеченным. Это было признаком слабости.

— Я наблюдал за вами с крыши дома напротив, — ответил Уид. Его голос был тихим, сухим, как шелест прошлогодней листвы по брусчатке. — Когда вы шли по Пепельной Набережной. Когда вы смотрели на ворона. Вы хорошая охотница, Лили. Но вы слишком увлечены добычей, чтобы заметить, кто охотится за вами.

Я нахмурилась, скрестив руки на груди, чтобы скрыть лёгкую дрожь.

— За мной никто не охотится. Я сама хищник.

Уид слегка наклонил голову. Движение было плавным, неестественно точным, без единого лишнего микродвижения.

— Мария ван дер Хейден — не хищник, — произнёс он. — Она лишь приманка. Жирная, глупая приманка, которую кто-то оставил на Канале Господнем, чтобы проверить, кто из охотников Мариса достаточно дерзок, чтобы клюнуть. Вы клюнули, госпожа. И теперь настоящий зверь знает, где вы.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не от ветра. Я знала, что Уид не лжёт. В этом городе все лгали, кроме мертвецов. А Уид... Уид пах смертью. Не той гнилью, что шла от каналов, а чистой, стерильной смертью склепа.

— Кто вы на самом деле? — тихо спросила я. — Вы не человек. Я вижу, как вы двигаетесь. Я слышу, как вы дышите... вернее, как вы не дышите.

Уид замер. На мгновение в переулке повисла тишина, нарушаемая лишь далёким плеском воды о сваи и моим собственным учащённым сердцебиением.

Медленно, с пугающей грацией, он поднял правую руку. На ней была надета тонкая чёрная кожаная перчатка. Уид зацепился пальцами левой руки за край перчатки и медленно стянул её.

Я затаила дыхание.

Под перчаткой обнажилась рука. Кожа была мертвенно-бледной, почти прозрачной, как старый пергамент, натянутый на кости. Под ней не было ни капли румянца. Вены проступали тёмными, почти чёрными корнями, уходящими под рукав камзола. Пальцы были длинными, аристократичными, но ногти имели слегка синеватый оттенок.

Он протянул руку ко мне. Я инстинктивно отшатнулась, прижавшись спиной к шершавому кирпичу, но Уид лишь коснулся кончиками пальцев моей щеки.

Прикосновение было ледяным. Таким холодным, что кожа мгновенно покрылась мурашками, а в висках пульсировало от резкого перепада температур. От него не исходило никакого тепла. Никакого пульса. Только вековой, каменный холод могилы.

— Я не человек, госпожа Лили, — произнёс Уид, и в его голосе впервые прозвучала усталость. Бесконечная, тягучая усталость существа, которое слишком долго смотрит на мир. — Я вурдалак. Я пью кровь, чтобы поддерживать в этом теле иллюзию жизни. Но я не пью кровь невинных. Я беру лишь то, что само просится в могилу: кровь убийц, насильников и тех, кто продал душу за золото.

Я смотрела на его мёртвую руку, лежащую на моей горячей щеке. Страх, который я ожидала почувствовать, не приходил. Вместо него было странное, щемящее любопытство. Его кожа была сухой и гладкой, как мрамор. В этом прикосновении не было похоти, не было угрозы. Только холодное,

почти научное любопытство.

— Почему вы здесь? — прошептала я. — Почему вы помогаете мне? Зачем вам охотница на ведьм?

Уид медленно убрал руку. Я почувствовала, как к щеке мгновенно приливает жар. Он снова начал натягивать кожаную перчатку, пряча свою мёртвую плоть от мира. Когда он закончил, он шагнул ближе. Туман обвил его ноги, словно признавая в нём хозяина.

Он наклонился к моему лицу. Я почувствовала запах, исходящий от него: озон, старая пыль, сухие лепестки роз и что-то металлическое, напоминающее запёкшуюся кровь.

— Потому что, госпожа Лили, — прошептал он, и его голос вибрировал где-то глубоко в моей груди, — вы пахнете мстостью.

Он отстранился, и в свете фонаря фарфоровая маска блеснула.

— Ваша месть чиста. Она не замутнена жаждой власти или золота. Она горит так ярко, что я вижу её даже сквозь этот проклятый туман. А я... я обожаю этот запах. Он напоминает мне о том времени, когда я ещё был способен чувствовать.

Я молчала. Моё сердце билось ровно и тяжело. Я изучала его маску, пытаюсь понять, что скрывается за этой фарфоровой улыбкой.

— Мария ван дер Хейден умрёт сегодня ночью, — сказала я наконец, возвращаясь к сути. — Но вы сказали, что она

лишь приманка. Кто её хозяин?

— Тот, кто носит маску не на лице, а на душе, — ответил Уид. — Тот, кто пахнет формалином, ванилью и чужими жизнями. Вы встретите его, Лили. Он сам найдёт вас. И когда это случится... не верьте его глазам. Верьте только своему кинжалу.

Он отступил в тень, и его силуэт начал сливаться с мраком переулка.

— Уид! — окликнула я его.

Он остановился, не оборачиваясь.

— Что будет со мной? — спросила я, и в моём голосе впервые за много лет прозвучала не ярость, а усталость. — Если я пойду за ним... я выживу?

Из темноты раздался тихий, сухой смех. Он не был злым. Он был печальным.

— Вы уже мертвы, госпожа Лили. Ваша деревня умерла шесть лет назад. Вы просто слишком упрямы, чтобы лечь в землю. Но если вы хотите дойти до конца... приходите ко мне. Я дам вам то, чего нет у ваших серебряных нитей. Я дам вам знания мёртвых.

Туман сгустился, и когда порыв ветра разогнал его, переулок был пуст. Только на мокрой брусчатке, там, где только что стоял Уид, лежал маленький, идеально белый лепесток лилии.

Я медленно опустилась на корточки и подняла его. Лепесток был холодным, как лёд, и совершенно сухим. Он не увя-

дал. Он был законсервирован, как бабочка в янтаре.

Я сжала его в кулаке, развернулась и пошла обратно в «Дом Роз». Мне нужно было готовиться. Сегодня ночью Мария ван дер Хейден умрёт. А завтра... завтра начнётся настоящая охота. И теперь я знала, что пахнет формалином и ванилью.

Но прежде чем вернуться, я сделала кое-что ещё.

Я вернулась на Дикую Розовую улицу. Узкий, кривой переулок, где дома стояли так близко, что почти касались друг друга крышами. Здесь пахло мочой, дешёвым джином и отчаянием. Здесь жили те, у кого не было другого выхода. Здесь продавали тела за медяки и тёплую еду.

Я знала, зачем пришла. Та девочка — та, что пахла пустотой — была здесь. Я видела её сегодня утром. Я видела, как она дрожала, как её глаза были пустыми, как от неё не пахло ничем. Ведьма. Молодая, испуганная, но ведьма.

И я знала, что если я не заберу её сейчас, её заберёт кто-то другой. Кто-то, кто не спросит, кто она. Кто-то, кто использует её и выбросит, как использованную тряпку.

Я нашла её в комнате на чердаке — маленькой, холодной каморке под крышей, где спали самые дешёвые девушки. Она сидела на краю кровати, обхватив колени, и смотрела в стену. Её глаза были пустыми, как у куклы, из которой вынули начинку.

— Эльза, — тихо произнесла я.

Девочка вздрогнула и медленно повернула голову. Она не удивилась, увидев меня. Она просто смотрела, как смотрят те, кто уже давно перестал ждать чуда.

— Госпожа Лили, — прошептала она. Голос был тонким, как свист ветра в щелях.

— Я пришла за тобой, — сказала я, опускаясь перед ней на колени. — Я заберу тебя отсюда.

Эльза моргнула. В её глазах мелькнуло что-то — не надежда, нет. Надежда давно умерла в ней. Просто... удивление.

— Зачем?

— Потому что ты пахнешь пустотой, — ответила я честно. — Потому что ты ведьма. И потому что если я не заберу тебя сейчас, тебя заберёт кто-то другой. Кто-то, кто не спросит, кто ты.

Эльза смотрела на меня долго, молча. Потом она медленно кивнула.

— Хорошо.

Я встала и протянула ей руку. Она колебалась секунду, потом медленно, неуверенно вложила свою маленькую, холодную ладонь в мою. Её кожа была сухой, как старый пергамент. От неё по-прежнему не пахло ничем.

Я вывела её из «Дома Роз» через чёрный ход. Афилия не спросила, куда я иду. Она просто посмотрела на Эльзу, и в её янтарных глазах мелькнуло что-то похожее на понимание.

Или на жалость.

Мы шли по ночному Марису, держа друг друга за руки. Эльза шла тихо, бесшумно, как тень. Она не задавала вопросов. Она не плакала. Она просто шла, словно не веря, что это не сон.

Я привела её в поместье на Канале Теней. Уид ждал нас в холле. Его фарфоровая маска блеснула в тусклом свете, когда он увидел нас.

— Ты привела её, — произнёс он, и в его голосе не было удивления. Только тихая, усталая удовлетворённость.

— Да, — ответила я. — Она ведьма. Молодая. Испуганная. Но она не убивала. Она только выпитывает. По капле. Как губка.

Уид медленно кивнул. Он подошёл к Эльзе и опустился перед ней на одно колено. Его мёртвая рука, затянутая в перчатку, осторожно коснулась её щеки.

— Как тебя зовут, дитя? — спросил он тихо.

— Эльза, — прошептала девочка.

— Эльза, — повторил Уид. — Ты знаешь, кто я?

Девочка посмотрела на него. Её пустые глаза медленно, очень медленно, начали наполняться чем-то. Не страхом. Не удивлением. Просто... пониманием.

— Вурдалак, — произнесла она тихо.

Уид замер. Я почувствовала, как напряжение в его теле сменилось чем-то другим. Не удивлением. Не страхом. Просто... признанием.

— Откуда ты знаешь это слово? — спросил он.

— Бабушка шептала, — Эльза впервые подняла взгляд. В её глазах было что-то древнее, вековое. — Когда меня привезли в город. Она сказала: «Если встретишь мертвеца, который не пьёт невинных — иди за ним. Он тебя не обидит».

Уид долго молчал. Потом медленно, с пугающей грацией, стянул перчатку. Его мёртвая рука лежала на щеке Эльзы, и девочка не отшатнулась. Она просто смотрела на него, и в её глазах не было страха. Только усталость. Вековая усталость, которой не должно быть в пятнадцать лет.

— Ты пахнешь пустотой, — тихо произнёс Уид. — Но пустота — это холст. Я научу тебя слышать. Я научу тебя чувствовать запахи так, как не чувствует ни один человек. Ты будешь работать на нас. Ты будешь искать тех, кто пахнет смертью. И ты будешь в безопасности. Здесь. Со мной.

Эльза кивнула. Медленно, неуверенно. Но кивнула.

— Хорошо, — прошептала она.

Я смотрела на них — на мёртвого вурдалака в фарфоровой маске и на маленькую ведьму, которая пахла пустотой. И я поняла, что что-то изменилось. Что-то сдвинулось. Мы больше не были просто охотницей и наставником. Мы стали... семьёй. Странной, мёртвой, сломанной семьёй. Но семьёй.

— Тогда идём, — тихо сказал Уид, вставая и снова натягивая перчатку. — Тебе нужно отдохнуть. Завтра начнётся твоя работа.

Он повёл Эльзу по коридору, к маленькой комнате на втором этаже, рядом с библиотекой. Я осталась стоять в холле, чувствуя, как холод проникает в мои кости, как запах озона и старой пыли наполняет мои лёгкие.

Я посмотрела на белый лепесток лилии, который всё ещё сжимала в кулаке. Он был холодным, как лёд, и совершенно сухим. Он не увядал. Он был законсервирован, как бабочка в янтаре.

Завтра начнётся настоящая охота. Завтра я убью Марию ван дер Хейден. А послезавтра... послезавтра я пойду за тем, кто пахнет ванилью и формалином.

Но сегодня... сегодня я была не одна. Сегодня у меня была Эльза. И Уид. И этот мёртвый, гнилой город, который мы пытались очистить от скверны.

Я сжала лепесток в кулаке и пошла вслед за ними. В тёмный, холодный дом на Канале Теней. В дом, который стал моим последним убежищем. В дом, который скоро станет моим последним пристанищем.

Но я ещё не знала этого.

Пока.

Глава 3. Архив и следы

Утро в поместье на Канале Теней не наступало — оно просачивалось сквозь высокие, запылённые окна серой, водянистой светлостью, как разбавленное молоко. Я проснулась до того, как первый луч коснулся пола. Тело помнило вчерашнее: холод мёртвой руки Уида на моей щеке, запах озона и

старой пыли, белый лепесток лилии, сжатый в кулаке.

Я села на кровати. Простыни были холодными, как вода в канале. В комнате пахло воском, сухой лавандой и чем-то ещё — слабым, едва уловимым ароматом, который я не могла назвать. Он был везде: в дубовых панелях стен, в тяжёлых бархатных портьерах, в потрескавшемся кожаном переплёте книг на полках. Это был запах дома, который слишком долго жил без хозяина.

Или с хозяином, который сам давно не был живым.

Я встала, босиком ступила на холодный каменный пол. В зеркале на умывальнике меня встретила та самая незнакомка — бледная, с зелёными глазами, в которых горел холодный, немигающий огонь. Серебряные нити в волосах тускло поблёскивали в полумраке. Я провела по ним пальцами. Афилия вплела их в полнолуние, шепча слова на языке, который я не хотела знать. Нити были тяжёлыми, как цепи. Они напоминали мне, что я — оружие.

Но сегодня я хотела быть не оружием. Сегодня я хотела быть сыщиком.

Эльзу я нашла в библиотеке.

Она сидела на полу, поджав ноги, окружённая открытыми книгами. Перед ней стояла небольшая серебряная чаша, в которой дымился какой-то тёмный отвар. Уид стоял рядом, его фарфоровая маска была наклонена к девочке, как у учи-

теля над ученицей.

— Это розмарин, — тихо говорил Уид, и его голос звучал иначе, чем со мной — мягче, терпеливее. — Понюхай. Не носом. Нюхай кожей. Нюхай языком. Нюхай тем местом, где у тебя живёт пустота.

Эльза медленно наклонилась над чашей. Её ноздри раздулись. Она закрыла глаза.

— Пахнет... — она запнулась, нахмурилась. — Пахнет зелёным. И... холодным. Как камень у реки.

— Хорошо, — Уид кивнул. — А теперь закрой чашу крышкой. И понюхай воздух вокруг. Что осталось?

Эльза послушалась. Её лицо было сосредоточенным, почти торжественным. Прошло несколько секунд. Потом она медленно открыла глаза.

— Ничего, — прошептала она. — Совсем ничего. Как будто... как будто розмарина и не было.

— Верно, — Уид выпрямился. — Розмарин — трава живых. Он пахнет, пока жив. Но как только его убирают, от него не остаётся ничего. Пустота. Как от мёртвого цветка. Как от тебя, Эльза.

Девочка посмотрела на свои руки. Её пальцы были тонкими, с синеватыми венами, как у утопленницы.

— Я мёртвая? — спросила она тихо.

— Нет, — Уид опустился перед ней на одно колено. — Ты другая. Ты — холст. На тебе не держится запах, потому что ты впитываешь его. Как губка. И если ты научишься выжи-

мать эту губку... ты станешь лучшей ищейкой в Марисе.

Я стояла в дверном проёме, не шевелясь. Они не заметили меня — или сделали вид, что не заметили. Эльза была поглощена уроком. Уид был поглощён ею. А я... я чувствовала странное, щемящее чувство. Не ревность. Не обиду. Что-то похожее на тепло.

Впервые за шесть лет я увидела, как кто-то заботится о ком-то не ради выгоды. Уид не использовал Эльзу. Он учил её. Он давал ей то, чего никто никогда не давал мне — терпение.

— Госпожа Лили, — Уид поднял голову, и его маска повернулась ко мне. — Вы слышали?

— Слышала, — ответила я, входя в комнату. — Она талантлива.

Эльза подняла на меня глаза. В них не было страха. Не было надежды. Только та самая вековая усталость, которой не должно быть в пятнадцать лет.

— Госпожа Лили, — прошептала она. — Я... я хочу помочь. Я хочу искать их. Тех, кто пахнет пустотой.

Я посмотрела на Уида. Он едва заметно кивнул.

— Тогда начнём сегодня, — сказала я. — Но сначала — завтрак. Ты должна есть, Эльза. Пустота не может быть ищейкой, если она голодна.

Эльза слабо улыбнулась. Это была первая улыбка, которую я увидела на её лице. Хрупкая, как крыло бабочки.

Пока Эльза ела густой суп с кореньями в маленькой столовой, я поднялась в свой кабинет — крошечную комнату на втором этаже, которую Уид отвёл мне с вечера. На столе лежал вчерашний список Афилии. Двенадцать имён. Двенадцать женщин. И приписка внизу: «Наблюдай. Г.Л.»

Я сжала пергамент в кулаке. Гидеон Лингрист. Анатом. Художник. Коллекционер. Тот, кто пахнет ванилью и малином.

Но прежде чем идти к Марии ван дер Хейден, мне нужно было знать о ней больше. Ведьмы, которые оставляли следы, были глупыми. Они жадничали, пили слишком много, не могли остановиться. Такие погибали быстро. Но ведьма, которая не оставляла следов... такая могла охотиться годами. Десятилетиями.

И я знала, где искать эти следы.

Архив городской канцелярии находился в старой башне на площади Святых Трёх. Пахло там пылью, крысиным помётом и кислым вином, которое пил сторож. Сторож — толстый, лысый мужчина с красным носом и обкусанными ногтями — взял мою серебряную монету и даже не спросил, зачем мне старые записи о смерти.

— Ван дер Хейден? — пробормотал он, перелистывая пыльные фолианты. Его пальцы оставляли на пожелтевших

страницах жирные следы. — Был такой. Купец. Торговал специями. Умер пять лет назад. От лихорадки. Жена — Мария — осталась вдовой.

— А до него? — спросила я, достав ещё одну монету. — Кто ещё умирал в этом доме?

Сторож поднял на меня мутные глаза.

— Зачем вам это, девица?

— Я пишу книгу о купеческих семьях Мариса, — солгала я. — Для учёного общества.

Он хмыкнул, забрал монету и продолжил листать. Я стояла рядом, следя за его пальцами. На них были странные пятна — серые, как пепел. Я знала, что это. Пыль старых записей о смерти въедалась в кожу тех, кто слишком долго с ней работал. Сторож сам был немного мёртв.

— Так. Вот. Муж Марии, Якоб ван дер Хейден, умер пять лет назад. До него — его брат, Питер, умер за два года до этого. Тоже от лихорадки. А до них... — он провёл пальцем по странице. — Служанка. Молодая девушка. Умерла от истощения. Тринадцать лет назад. А ещё раньше... — он нахмурился. — Странно.

— Что странно?

— В этом доме за последние двадцать лет умерло семь человек. Все — от лихорадки или истощения. Все — в течение года после того, как начинали служить.

Я почувствовала, как холодок пробежал по спине.

— Семь человек за двадцать лет?

— Да. И все — молодые. Красивые. Женщины.

Он посмотрел на меня хитро, как старый кот, поймавший мышь.

— Вы не учёная, девица. Кто вы?

Я достала ещё одну монету.

— Та, кто не хочет, чтобы восьмая умерла зря.

Сторож молча забрал монету. Он понял. В Марисе все всё понимали — просто не все хотели знать.

Я вышла из башни, сжимая в руке список. Семь смертей. Семь молодых женщин. И Мария, которая жила одна в большом доме, не старея, не увядая, с кожей серой, как пепел, под слоем пудры.

Я знала, что она делала. Она не просто пила жизнь. Она пила её медленно, по капле, годами. Она была не хищником. Она была паразитом.

И это делало её опаснее.

Я вернулась в поместье к полудню. Эльза всё ещё сидела в библиотеке, окружённая чашами с травами. Она подняла голову, когда я вошла, и её ноздри раздулись.

— Госпожа Лили, — прошептала она. — Вы пахнете... пылью. И чернилами. И... — она нахмурилась. — И чем-то старым. Как от очень старой книги.

Я усмехнулась.

— Я была в архиве.

— Архив пахнет мёртвыми, — Эльза серьёзно посмотрела на меня. — Но не теми мёртвыми, которые уже ушли. А теми, которые ещё держатся за страницы.

Уид, стоявший у окна, медленно повернул голову. Его фарфоровая маска блеснула в тусклом свете.

— Что ты нашла, Лили?

Я развернула на столе список Афилии. Рядом положила пергамент с записями из архива.

— Семь смертей за двадцать лет. Все в доме ван дер Хейден. Все — молодые женщины. Все — от лихорадки или истощения.

Уид подошёл ближе. Его мёртвые руки, затянутые в чёрные перчатки, легли на стол рядом с моими.

— И что ты думаешь?

— Она не хищник, — сказала я. — Хищник убивает быстро. Жадно. Оставляет следы. А она... она паразит. Она пьёт по капле, годами. Она не убивает своих служанок. Она их... доит.

Уид кивнул медленно, как человек, который подтверждает то, что уже знал.

— Верно. И это делает её опаснее. Хищника можно выследить по крови. Паразита — только по тени.

— А тень? — спросила я.

— Тень ведёт к хозяину, — Уид поднял голову. — Паразит не действует сам. У неё всегда есть тот, кто её создал. Тот, кто её кормит. Тот, кто забирает собранное.

Эльза вдруг подняла голову. Её глаза были широко открыты.

— Госпожа Лили, — прошептала она. — Список... он пахнет...

Она протянула руку к пергаменту с именами Афилии. Её пальцы дрожали.

— Пахнет чем, Эльза? — тихо спросил Уид.

— Им, — девочка побледнела. — Тем, кто пахнет ванилью. И... чем-то ещё. Чем-то холодным. Как лёд. Как... как вы, господин Уид. Но не так. Это другой холод. Это холод... стекла.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Гидеон, — прошептала я. — Он касался списка. Он знал, что я его найду.

Уид медленно кивнул.

— Он играет с тобой, Лили. Он оставляет следы. Он хочет, чтобы ты шла. Но куда он хочет тебя привести... это вопрос.

Я посмотрела на список. Двенадцать имён. Двенадцать женщин. И приписка внизу: «Наблюдай. Г.Л.»

— Я начну с Марии, — сказала я. — Она — паразит. Но её хозяин... его я найду через неё.

Уид молча смотрел на меня. Под маской не было видно его глаз, но я почувствовала его взгляд — тяжёлый, изучающий, почти жалостливый.

— Будь осторожна, — тихо произнёс он. — Паразиты ред-

ко бывают одни. Рядом всегда... тот, кто их кормит.

Весь остаток дня я готовилась.

Эльза помогла мне выбрать платье — тёмно-зелёное, из тяжёлого шёлка, с высоким воротником, скрывающим шрамы на шее. Оно пахло дёгтем и железом. Оно пахло работой.

— Госпожа Лили, — тихо сказала Эльза, застёгивая пуговицы на моём корсете. — Вы пахнете... яростью. И... чем-то ещё.

— Чем?

— Страхом, — прошептала она. — Но не перед ней. Перед тем, кто за ней.

Я посмотрела на неё в зеркало. Её глаза были серьёзными, почти взрослыми. В пятнадцать лет она видела больше, чем многие старики.

— Ты права, — сказала я. — Но страх — это хорошо. Он делает нас живыми.

Эльза кивнула. Она не стала спорить. Она просто взяла со стола маленький кожаный мешочек и протянула мне.

— Это для вас, — прошептала она. — Я собрала. Розмарин. И шалфей. И... немного соли из освящённых источников. Если она попытается пить вас... бросьте ей в лицо. Это её ослепит.

Я взяла мешочек. Он был тёплым от её рук.

— Спасибо, Эльза.

Она слабо улыбнулась. И юркнула за дверь, как маленькая тень.

Я осталась одна в комнате. Посмотрела на себя в зеркало. Незнакомка смотрела на меня зелёными глазами, холодными, как лёд на канале зимой.

— Пора, — прошептала я.

И вышла в холодный, серый вечер Мариса.

Глава 4. Дом на Канале Господнем

Канал Господень был широким, с каменными набережными и высокими домами по обеим сторонам. Дома были богатыми — с резными фронтонами, с витражными окнами, с медными водосточными трубами. Но даже здесь, в богатом квартале, я чувствовала гниль. Торфяные болота были близко. Они всегда были близко.

Дом ван дер Хейден стоял на углу, там, где канал делал резкий поворот. Он был высоким, с характерным голландским фронтоном, украшенным резным орнаментом в виде виноградных лоз и птиц. Окна были узкими, с зелёными ставнями. На подоконниках стояли горшки с геранью, но цветы выглядели странно — бледными, почти прозрачными, как будто их жизнь медленно уходила.

Я подошла ближе, наклонилась и глубоко вдохнула.

Герань должна была пахнуть терпкой зеленью и сырой землёй. Но я не почувствовала ничего. Пустота. Абсолютная,

звнящая тишина в носу. Как от мёртвого цветка.

Я улыбнулась уголками губ. Это была моя первая зацепка.

Я также заметила ещё кое-что. На пороге дома не было ни пылинки. Ни листика. Ни песчинки. Как будто кто-то стирал его каждый час. Я знала, почему. Ведьмы не могут войти в дом, если на пороге рассыпана смесь соли и пепла сожжённого шалфея. Мария знала это правило. И она стирала свой порог, чтобы никто не мог её выследить.

Но она забыла одно. Что чистота тоже бывает подозрительной.

Горничная ждала меня на мосту через канал, в том месте, где фонарь горел особенно тускло, и тень от каменных перил скрывала нас от случайных прохожих. Она была молодой, пугливой, с обкусанными ногтями и свежим синяком на скуле — фиолетовым, с желтеющими краями. Она дрожала, хотя вечер был тёплым для марта.

— Госпожа не любит, когда её беспокоят, — шептала она, пряча серебряную монету в складках передника. Пальцы у неё были тонкие, с грязью под ногтями — признак того, что она не только служанка, но и стирает, и чистит, и делает всю чёрную работу. — Но если вы придёте как куртизанка... она иногда приглашает девушек из «Дома Роз». Для беседы. Для музыки. Для... — горничная запнулась, покраснела. — Для компании.

Я кивнула, чувствуя, как холодный металл монеты обжигает её дрожащие пальцы. Я знала, как это работает. Богатые вдовы, скучающие в своих больших домах, любили приглашать куртизанок не для плотских утех, а для развлечения. Музыка, стихи, сплетни. Иногда — нечто большее. Но я не боялась этого. Моё тело было защищено ритуалом «Чернения Души». Никто не мог причинить мне вред, не почувствовав вкус пепла на губах.

— Скажи госпоже, что госпожа Лили из «Дома Роз» хотела бы предложить свои услуги, — произнесла я ровно. — Скажи, что я играю на лютне и пою.

Горничная кивнула и юркнула в сторону, словно испугавшись, что её увидят. Я осталась стоять на мосту, глядя, как туман ползёт по воде.

Через несколько минут она вернулась.

— Госпожа ждёт вас, — прошептала она, оглядываясь через плечо. — Но будьте осторожны. Она... она сегодня странная.

— Что значит странная?

Горничная замялась. Её глаза забегали.

— Она... она не ест, — прошептала она наконец. — Уже три дня. Только пьёт вино. И... она разговаривает с кем-то. Но в доме никого нет. Только я.

Я почувствовала, как холодок пробежал по спине.

— С кем она разговаривает?

Горничная побледнела ещё сильнее.

— Не знаю, госпожа. Я не слышу слов. Только... шёпот. Но голос не мужской. И не женский. Как будто... как будто два голоса сразу.

Я кивнула и сунула ей ещё одну монету.

— Молчи об этом. И если что-то случится — беги. Не оглядывайся. Просто беги.

Горничная кивнула, её глаза наполнились слезами. Она юркнула в сторону, и я осталась одна на мосту.

Два голоса. Один — Марии. Второй — чей?

Я вспомнила слова Уида: «Паразиты редко бывают одни. Рядом всегда... тот, кто их кормит».

Я глубоко вздохнула. Воздух пах мокрой штукатуркой, гнилой водой и дымом из печных труб. Честный запах. Он не пытался мне понравиться.

И пошла к дому ван дер Хейден.

Горничная открыла дверь сама. Она была бледнее, чем на мосту, и синяк на скуле стал темнее.

— Госпожа ждёт вас в гостиной, — прошептала она, оглядываясь через плечо. — Но... будьте осторожны. Она сегодня...

— Я знаю, — перебила я её тихо. — Спасибо.

Она кивнула и юркнула в сторону, словно испугавшись, что я передумаю и накажу её за беспокойство. Я осталась стоять в холле, глядя, как она поднимается по лестнице, при-

жимаясь к стене, как испуганная мышь.

Холл был большим, с высоким потолком и тяжёлыми дубовыми панелями. На стенах висели картины — все в тёмных рамах, все изображали одно и то же: натюрморты с цветами, фруктами, черепами. Тщета — суета сует. Я знала этот жанр. Он был популярен в Марисе. Художники напоминали богачам, что всё бrenно, что красота увядает, что смерть неизбежна. Но ведьмы любили эти картины по другой причине: они напоминали им о том, что они победили смерть. По крайней мере, на время.

Я скользила взглядом по полотнам, запоминая детали. Ни одна из картин не была написана недавно. Пыль лежала на рамах ровным слоем. Этот дом застыл во времени.

Но тут я заметила странное. Одна картина — большой натюрморт с черепом, увядшей лилией и песочными часами — висела криво. Словно её недавно снимали и повесили обратно. И под ней, на стене, был прямоугольник более светлой краски. Как будто картину вешали на другое место.

Я запомнила это.

Гостиная была большой, с высоким потолком и тяжёлыми бархатными портъерами тёмно-зелёного цвета. В камине горел огонь, но тепла не было. Я почувствовала это сразу, протянув к нему руки: огонь горел, но воздух оставался холодным. Как будто пламя было нарисованным, ненастоящим.

На стенах висели портреты — мужчины в чёрных камзолах, женщины в кружевных воротниках. Все они смотрели

на меня пустыми глазами. Я знала: в семнадцатом веке портреты писали долго, иногда месяцами. Художник должен был поймать душу модели. Но эти портреты... Я посмотрела на них внимательнее. Душ в них не было. Только пустота. Художник не смог их найти, потому что их там уже не было.

Мария ван дер Хейден сидела в кресле у камина.

Она была высокой, худой, с тёмными волосами, убранными в сложную причёску, украшенную жемчужными шпильками. На ней было платье из тёмно-зелёного шёлка, с кружевным воротником и манжетами. Лицо — как маска: белила, румяна, пудра. Слишком много. Даже для аристократки. Я сразу заметила, что кожа под слоем косметики выглядела неестественно — серой, восковой, как у куклы. Особенно вокруг глаз: там, где кожа была тонкой, проступали тёмные вены, похожие на корни.

— Госпожа Лили, — произнесла Мария, не вставая. Голос у неё был низкий, хриплый, как будто она долго не пила. — Я слышала о вас. Говорят, вы лучшая куртизанка в «Доме Роз».

— Говорят многие вещи, госпожа, — ответила я, делая реверанс. Движения были плавными, выверенными — меня учили этому в «Доме Роз». — Я надеюсь, что хотя бы часть из них правда.

Мария усмехнулась. Усмешка была странной: губы растянулись, но глаза остались неподвижными.

— Садитесь. Расскажите мне о себе.

Я села на стул напротив. Я внимательно осматривала комнату, отмечая каждую деталь. В углу стояла клетка с канарейкой. Птица сидела неподвижно, с закрытыми глазами. Мёртвая. Я заметила это сразу — канарейка не дышала, грудка не поднималась. Но Мария, казалось, не замечала мёртвой птицы в клетке. Или не хотела замечать.

На столе стояла ваза с белыми лилиями. Свежими, только что срезанными. Но я почувствовала: от цветов не пахло ничем. Как будто их сорвали не в саду, а вырастили в темноте, без солнца, без жизни. Я знала: настоящие лилии пахнут сладко, дурманяще. Эти не пахли ничем.

И ещё. Под столом, в тени, я увидела маленькую деревянную шкатулку. Она была закрыта на крошечный замок. Но из-под крышки сочился тонкий, едва заметный дымок. Как от тлеющего ладана. Но я знала, что это не ладан. Это был шалфей. Ведьма жгла шалфей под столом, чтобы перебить свой запах.

Глупая. Шалфей пахнет даже сквозь дерево.

— Вы красивы, госпожа Лили, — произнесла Мария, разглядывая меня. Взгляд был тяжёлым, липким, как мёд. — Ваши волосы... такие огненные. Такие живые.

— Благодарю, госпожа.

— Но вы грустны. Я вижу это в ваших глазах.

Я не ответила. Я смотрела на руки Марии. На них были перчатки до локтя, из тонкой кожи. Но когда Мария подняла руку, чтобы поправить воротник, я увидела: из-под кружева

манжеты выглядывает кусочек кожи. Серый, как пепел. Как кожа тех, кто слишком долго пил из чаши ведьмы.

— Что вы любите, госпожа Лили? — спросила Мария.

— Музыку, госпожа. И стихи.

— Ах, как романтично. — Мария усмехнулась. — Сыграйте мне на лютне. Я слышала, вы играете прекрасно.

Я кивнула. Лютня стояла в углу, на специальном стенде. Я взяла её, настроила струны и начала играть. Мелодия была тихой, меланхоличной — старинная голландская баллада о любви и смерти. Я пела тихо, почти шёпотом:

«Тюльпан расцвёл весной, Но осень пришла слишком рано. Лепестки опали, И ветер унёс их в туман...»

Мария закрыла глаза.

И в этот момент я почувствовала: что-то изменилось. Воздух стал тяжелее, как перед грозой. Температура в комнате упала — я увидела, как моё дыхание превратилось в лёгкий пар. Огонь в камине задрожал, словно от ветра, хотя окна были закрыты, и портьеры не двигались.

Я играла, но мои глаза скользили по комнате. Я заметила: в тени, за тяжёлой бархатной портьерой, что-то двигалось. Что-то большое. Что-то живое. Я услышала тяжёлое дыхание, низкое рычание.

Оборотень.

Я продолжала играть, не показывая, что заметила это. Руки не дрожали. Голос не дрогнул. Шесть лет охоты научили меня скрывать страх. Я чувствовала, как моё сердце бьётся

ровно, как часы, отсчитывая секунды до неизбежного.

Когда мелодия закончилась, Мария открыла глаза.

— Прекрасно, — произнесла она. — Вы талантливы, госпожа Лили.

— Благодарю, госпожа.

— Оставайтесь на ужин. Я хочу, чтобы вы составили мне компанию.

Я кивнула. Я знала, что это мой шанс. Ужин — это время, когда ведьмы расслабляются. Когда они пьют вино, едят еду, забывают о бдительности.

Но я также знала, что это и её шанс. Ведьма не приглашает куртизанку на ужин просто для компании. Она приглашает, чтобы попробовать. Чтобы оценить. Чтобы выбрать.

И я должна была решить: позволить ей выбрать меня — или убить её до того, как она сделает свой выбор.

Я медленно встала, держа лютню в руках.

— С удовольствием, госпожа, — произнесла я ровно. — Но сначала... позвольте мне задать вам вопрос.

Мария подняла бровь.

— Какой?

Я указала на картину с черепом и песочными часами, которая висела криво.

— Эту картину недавно перевешивали, — сказала я. — Почему?

В глазах Марии мелькнуло что-то. Не страх. Не злость. Что-то другое. Что-то, что я не могла назвать.

— Вы очень наблюдательны, госпожа Лили, — тихо произнесла она. — Слишком наблюдательны для куртизанки.

— Я училась у лучших, — ответила я.

— У кого?

— У мёртвых.

Мария усмехнулась. И в этой усмешке я услышала приговор.

Она знала, что я знаю. И она знала, что я пришла не для музыки.

— Тогда, — тихо произнесла Мария, вставая из кресла, — возможно, вам стоит увидеть, что было под той картиной.

Она подошла к стене и сняла со стены натюрморт с черепом. И я увидела то, что было под ним.

Это была не стена. Это была дверь. Маленькая, узкая, замаскированная под стену. И из-за неё доносился запах.

Запах, который я знала.

Ваниль. Формалин. И что-то ещё. Что-то, от чего у меня по спине побежали мурашки.

Запах Гидеона Лингриста.

Мария посмотрела на меня, и в её глазах больше не было хищности. Только холодная, расчётливая усмешка.

— Вы искали ведьму, госпожа Лили, — прошептала она. — Но вы не знали, что ведьма — это всего лишь дверь. А за дверью... за дверью живёт тот, кто держит ключ.

Она шагнула в сторону, и дверь со скрипом открылась. Из темноты за ней вышел мужчина.

Высокий. В тёмном камзоле. С серебряными глазами.

Гидеон Лингрис.

— Добрый вечер, госпожа Лили, — произнёс он, и его голос был мягким, бархатным, обволакивающим. — Я давно ждал этой встречи.

Я сжала рукоять кинжала в корсете. Мои пальцы побелели.

Игра началась.

Глава 5. Ужин с ведьмой

Мария ван дер Хейден не стала возражать, когда я предложила остаться на ужин. Напротив, её губы растянулись в той самой хищной улыбке, от которой у меня по спине пробежали мурашки. Она знала, что я знаю. И она хотела, чтобы я осталась.

— Тогда, — тихо произнесла она, вставая из-за стола, — возможно, вам стоит увидеть, что было под той картиной.

Она подошла к камину и сняла со стены натюрморт с черепом. И я увидела то, что было под ним.

Это была не стена. Это была дверь. Маленькая, узкая, замаскированная под стену. И из-за неё доносился запах.

Запах, который я знала.

Ваниль. Формалин. И что-то ещё. Что-то, от чего у меня по спине пробежали мурашки.

Запах Гидеона Лингриса.

Мария посмотрела на меня, и в её глазах больше не было хищности. Только холодная, расчётливая усмешка.

— Вы искали ведьму, госпожа Лили, — прошептала она.
— Но вы не знали, что ведьма — это всего лишь дверь. А за дверью... за дверью живёт тот, кто держит ключ.

Она шагнула в сторону, и дверь со скрипом открылась.
Из темноты за ней вышел мужчина.

Высокий. В тёмном камзоле. С серебряными глазами.
Гидеон Лингрис.

— Добрый вечер, госпожа Лили, — произнёс он, и его голос был мягким, бархатным, обволакивающим. — Я давно ждал этой встречи.

Я сжала рукоять кинжала в корсете. Мои пальцы побелели.

— Кто вы? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Я врач, — мягко сказал Гидеон, делая шаг ко мне. — И старый друг госпожи ван дер Хейден. Я пришёл навестить её. И... познакомиться с вами.

Он протянул руку. Я отшатнулась, но не к двери. Я осталась стоять, чувствуя, как моё сердце бьётся где-то в горле, как пальцы сжимают рукоять кинжала под платьем.

— Зачем вы здесь? — прошептала я.

— Чтобы предложить вам помощь, — ответил он. — Вы охотитесь на ведьм, госпожа Лили. Но вы не знаете, на кого именно. Мария — не ведьма. Она — жертва. Как и все остальные.

Я посмотрела на Марию. Она не отрицала. Она просто

стояла, опустив руки, и её серое лицо было пусто, как стена.

— Жертва? — переспросила я.

— Жертва того, кто сильнее её, — тихо сказал Гидеон.

— Того, кто создал её. Того, кто создаёт всех их. И если вы хотите остановить эту охоту... вам нужно идти со мной.

Он сделал ещё один шаг. Я почувствовала, как его запах обволакивает меня, как ваниль проникает в мою кровь, как формалин начинает консервировать мой разум.

— Нет, — сказала я. И это было первое честное слово за весь вечер.

Гидеон остановился. В его серебряных глазах мелькнуло что-то — удивление? Интерес?

— Почему?

— Потому что я не верю вам, — ответила я. — Потому что вы пахнете смертью. И потому что я знаю: если я пойду с вами, я не вернусь.

Он смотрел на меня долго, молча. Потом медленно кивнул.

— Жаль, — произнёс он. — Я думал, вы умнее.

Он повернулся к Марии.

— Она не готова, — сказал он. — Оставь её. Пусть поживёт. Пусть подумает. Она придёт сама. Они всегда приходят сами.

И он вышел. Тихо, бесшумно, как тень. Дверь за ним закрылась, и я осталась одна с Марией.

Мария смотрела на меня. В её глазах больше не было хищ-

ности. Только усталость. Бесконечная, вековая усталость.

— Уходите, — тихо сказала она. — Пока он не передумал.

— Кто он? — спросила я.

— Тот, кто держит ключ, — прошептала Мария. — Тот, кто создал меня. Тот, кто создал всех нас.

— Кто?

Мария посмотрела на меня. И в её глазах я увидела не страх. Жалость.

— Вы не понимаете, госпожа Лили, — произнесла она.

— Вы думаете, что охотитесь на ведьм. Но ведьмы — это всего лишь тени. А тень не существует без света. И тот, кто отбрасывает этот свет... он уже давно ждёт вас.

Она отвернулась и пошла к камину. Я стояла, не двигаясь, чувствуя, как холод проникает в мои кости, как ваниль и формалин въедаются в мою кожу.

Потом я развернулась и ушла.

Я бежала по ночному Марису, не оглядываясь. Туман хлестал меня по лицу, рвал подол платья, путался в волосах. Я бежала, чувствуя, как ваниль и формалин всё ещё преследуют меня, как сладкий, тошнотворный запах въелся в мою кожу, в мои лёгкие, в мою кровь.

Я не знала, куда бегу. Я знала только одно: мне нужно к Уиду. Только мёртвый может рассказать мне правду о мёртвых.

Но прежде чем свернуть на Канал Теней, я остановилась. Я прислонилась спиной к холодной кирпичной стене в тёмном переулке и попыталась собраться с мыслями.

Что я узнала?

Мария ван дер Хейден — не хищник. Она паразит. Она пила жизнь по капле, годами. Но она не действовала сама. У неё был хозяин. Тот, кто пах ванилью и формалином. Гидеон Лингрис.

Он сказал, что Мария — жертва. Что он — врач. Что он хочет помочь.

Но я знала: он лгал. Я чувствовала это каждой клеткой своего тела. Он не врач. Он — создатель. Он создал Марию. И он создал других.

Двенадцать имён в списке Афилии. Двенадцать женщин. И все они — его творения.

Но почему? Зачем?

Я закрыла глаза и попыталась вспомнить всё, что видела в доме Марии. Мёртвая канарейка в клетке. Лилии без запаха. Шалфей под столом. Картина, перевешенная криво. Дверь за картиной.

И ещё. Оборотень в тени за портьерой.

Я открыла глаза. Оборотень. Почему в доме ведьмы был оборотень? Ведьмы и оборотни — враги. Они не могут находиться рядом друг с другом. Их магия отталкивается, как два магнита с одинаковыми полюсами.

Если только... если только оборотень не был под контро-

лем. Если только он не был привязан к ведьме. Или к тому, кто стоит за ней.

Я почувствовала, как холодок пробежал по спине. Гидеон контролировал оборотня. Он контролировал Марию. Он контролировал всех их.

Но как?

Я вспомнила слова Уида: "Паразиты редко бывают одни. Рядом всегда... тот, кто их кормит".

Кто кормит Гидеона? Кто даёт ему силу контролировать всех этих ведьм?

Я не знала. Но я знала, что должна найти ответ.

Я вернулась в поместье на Канале Теней на рассвете. Уид ждал меня в холле. Его фарфоровая маска блеснула в тусклом свете, когда он увидел меня.

— Вы были у Марии, — произнёс он, не спрашивая. Это было утверждение.

— Да, — ответила я, чувствуя, как усталость наваливается на меня, как тяжёлое, мокрое одеяло. — И я встретила его.

Уид медленно кивнул. Его мёртвые руки, затянутые в чёрные перчатки, легли на стол рядом с моими.

— Гидеон Лингрис, — тихо произнёс он. — Тот, кто пахнет ванилью и формалином. Тот, кто создаёт ведьм. Тот, кто ищет идеальный сосуд.

— Что вы о нём знаете? — спросила я.

Уид сел напротив. Его фарфоровая маска была непроницаема, но я почувствовала его взгляд — тяжёлый, изучающий, почти жалостливый.

— Я знаю, что он живёт уже триста лет, — произнёс он. — Я знаю, что он не человек. Я знаю, что он создал двенадцать ведьм. И я знаю, что он ищет тринадцатую.

Я почувствовала, как холодок пробежал по спине.

— Почему тринадцатую?

— Потому что тринадцать — это число завершения, — ответил Уид. — Тринадцать — это число ритуала. Тринадцать — это число жертв, необходимых для того, чтобы обрести вечность.

— Вечность? — переспросила я.

— Вечность, — кивнул Уид. — Гидеон не просто алхимик. Он не просто художник. Он — коллекционер. И он собирает не картины. Он собирает души. Он хочет создать идеальный сосуд. Тело, которое не будет стареть. Душу, которая не будет увядать. Красоту, которая будет жить вечно.

— И он нашёл его? — спросила я.

Уид посмотрел на меня. Под маской не было видно его глаз, но я почувствовала его взгляд — тяжёлый, изучающий, почти жалостливый.

— Он ищет его, — тихо произнёс он. — И он думает, что нашёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.